

УДК 338.001.36

Мальцев А. А., сотрудник отдела развития региональных социально-экономических систем ИЭ УрО РАН, г. Екатеринбург

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ «ГОЛЛАНДСКОЙ БОЛЕЗНИ» ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКЕ

В статье изучается генезис теории «голландской болезни». Исследуются причины возникновения и систематизируются основные симптомы «голландской болезни». Особое внимание уделено диагностированию наличия «голландской болезни» в России. Доказывается, что «голландская болезнь деиндустриализации» не всегда связана с добычей и экспортом природных ископаемых.

В экономической литературе последнего времени нередко встречается термин «голландская болезнь». Однако сплошь и рядом этот термин употребляется в контексте несколько иной проблемы, нежели той, для описания которой изначально вводился в экономическую науку. Оригинальный смысл термина «голландская болезнь» относится к ситуации, когда «открытие в стране запасов некоторого естественного ресурса отрицательно сказывается на развитии других, как правило, обрабатывающих отраслей экономики, товары которых экспортируются на мировой рынок»¹. Такое явление может также спровоцировать неожиданный рост на мировом рынке цены на естественный ресурс, экспортером которого является рассматриваемая страна.

Довольно часто термин «голландская болезнь» не совсем корректно употребляется в контексте объяснения возможного негативного влияния естественных ресурсов на долгосрочное развитие страны или объявляется первопричиной снижения темпов роста экономики, богатой природными ресурсами².

Сегодня стало «модным» критиковать российский минерально-сырьевой сектор, якобы заразивший не привитую от внешних инфекций российскую экономику «голландской болезнью»³, считать наличие минерально-сырьевых запасов причиной развращенности хозяйствующих субъектов «легкими» деньгами от экспорта сырья. При этом иногда делаются удивительные обобщения, согласно которым нефтедобывающие страны стагнируют и не

¹ Волчкова Н.А. Является ли «голландская болезнь» причиной энергозависимой структуры российской промышленности? // Торговая политика и значение вступления в ВТО для развития России и стран СНГ. М. 2006. С. 521.

² Sachs J., Warner A. Natural Resource Abundance and Economic Growth // NBER Working Paper No W5398. December 1995. P.22-23.

³ Latsis O. Dutch Disease Hits Russia // Moscow News. June 8-14. 2005.

Таблица 1.

Динамика валового внутреннего продукта (% к предыдущему году)

Страна	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Великобритания	2,4	2,1	2,7	3,3	1,9	2,7	2,9*
Германия	1,2	–	-0,2	1,2	0,9	2,7	1,8*
Италия	1,8	0,3	–	1,2	0,1	1,9	1,8*
Канада	1,8	2,9	1,8	3,3	2,9	2,7	2,4*
Норвегия	2,0	1,5	1,0	3,9	2,7	2,9	3,8*
США	0,8	1,6	2,5	3,9	3,2	3,3	2,2*
Саудовская Аравия	0,5	0,1	7,7	5,3	6,6	4,6	4,8*
Российская Федерация	5,1	4,7	7,3	7,2	6,4	6,7	8,1
Франция	1,8	1,1	1,1	2,0	1,2	2,0	2,0*
Япония	0,2	0,3	1,4	2,7	1,9	2,2	2,3*

*Прогноз.

Составлено по: IMF World Economic Outlook. April 2007. P. 218–226, Российский статистический ежегодник за соответствующие годы.

становятся развитыми только потому, что добывают нефть⁴. Между тем даже простое сравнение темпов роста ВВП крупнейших сырьедобывающих и ведущих сырьепотребляющих стран (табл. 1) заставляет для начала усомниться в справедливости подобных выводов.

Само понятие «голландская болезнь» возникло в 1960-е гг., когда в Голландии началась активная разработка газового месторождения Слочтерен (*Slochteren*) в провинции Гронинген. К 1976 г. Голландия на добыче газа заработала 5,5 млрд дол. Вырученные средства вкладывались, прежде всего, в развитие социальной сферы. Однако «раздувание» государственных расходов привело к значительному укреплению гульдена, а также способствовало резкому увеличению инфляции. Одновременно с этим началось — вследствие

удорожания национальной валюты — снижение конкурентоспособности продукции обрабатывающего сектора, за которым последовал рост безработицы, которая к началу 1980-х гг. достигла в промышленности 16%⁵.

Впервые термин «голландская болезнь» появился в 1977 г. в журнале *The Economist*⁶. В 1981 г. это явление описал М. Эллман (*M. Ellman*)⁷. При этом обращает на себя внимание, что его работа была посвящена не столько проблемам обменного курса, сколько неэффективному

⁵ Hopkins M. Macro-socio-economic context and challenges for effective hydrocarbon management // State of Qatar / UNDP / NECA / UNEP / CIDA High-Level Meeting on Oil and Gas Development: Sharing Experiences and Lessons within the framework of South-South Cooperation. Doha. Qatar. 8-10 September. 2007. P.2.

⁶ *The Dutch Disease* // *The Economist*. 1977. November 26.

⁷ *Ellman M. Natural Gas, Restructuring and re-Industrialization: The Dutch Experience of Economic Policy* // London. Academic press. 1981.P.27-29.

⁴ *Sala-i-Martin X., Subramanian A. Addressing the natural resource curse: an illustration from Nigeria* //IMF Working Paper 03/139. 2003.

вложению государством доходов от экспорта газа и нефти в социальную сферу Голландии.

С начала 1980-х гг. активные исследования механизма возникновения и протекания «голландской болезни» вели такие ученые, как М. Аоки (*M. Aoki*), Р. Иствуд (*R. Eastwood*), У.М. Корден (*W. M. Corden*), Дж. П. Нири (*J. P. Neary*), Л. Тейлор (*L. Taylor*), С. Эдвардс (*S. Edwards*). В 1990-х гг. большое внимание проблеме изучения «голландской болезни» уделяли Р. М. Аутти (*R. M. Auty*), Р. Брунстад (*R. Brunstad*), Х. Бьерланд (*H. Bjorland*), Т. Гильфасон (*T. Gylfason*), Г. Доппелхофер (*G. Doppelhofer*), Э. Ларсен (*E. Larsen*), Х. Сала-и-Мартин (*X. Sala-i-Martin*), Дж. Сакс (*J. Sachs*), Н. Спатофора (*N. Spatafora*), Дж. Стиглиц (*J. Stiglitz*), А. Уорнер (*A. Warner*), М. М. Хатчисон (*M. M. Hutchison*).

У. М. Корден и Дж. П. Нири в своей работе «Стремительно развивающийся сектор и деиндустриализация в малой открытой экономике»⁸ на основе теории спроса и предложения факторов производства создали так называемую модель стремительно развивающегося сектора. С точки зрения экономической теории, данная модель является универсальным инструментом для описания эффектов, возникающих в связи с бумом в одном из секторов малой (начинающей расти) экономики. С помощью данной модели экономисты смогли осветить такие исторические события, как влияние притока драгоценных металлов на экономику Испании в XVI в., воздействие открытия золота на австралийскую экономику в XIX в., пр. В дальнейшем У. М. Корден усовершенствовал данную модель, введя в нее монетарный фактор⁹. В ис-

следовании С. Эдвардса и М. Аоки¹⁰ принята попытка продемонстрировать эффект стремительного развития одного из экспорториентированных секторов экономики на конкурентоспособность остальных отраслей.

Рассмотрим теоретическую постановку вопроса. В упрощенном виде «анамнез» «голландской болезни» можно представить следующим образом: национальная экономика является малой (внутренние события в стране не оказывают никакого влияния на мировые цены) и открытой (другими словами, цены на внутреннем рынке устанавливаются исходя из соотношения спроса и предложения). Экономика состоит из трех секторов: экспорториентированного сырьевого *M* (*mineral resources sector*); торгуемого *T* (*tradable sector*), производящего обработанную продукцию, которую можно свободно экспортировать и импортировать, и неторгуемого сектора *N* (*non-tradable sector*). К последнему относят строительство, розничную торговлю, индустрию развлечений и др. При этом *N*-сектор не конкурирует с иностранными товаропроизводителями, так как «выпускаемые» в нем товары и услуги невозможно вывезти за рубеж.

Причиной возникновения «голландской болезни» является стремительный рост в секторе *M*. В результате открытия и разработки крупного сырьевого месторождения экономика страны получает значительный объем природной ренты, душевой ВВП и реальные доходы населения растут. Вследствие этих процессов общее увеличение спроса приводит к расширению выпуска неторгуемых товаров *N*-сектора. Прирост занятости и увеличение концентрации других факторов производства в секторе *N* при этом может поглотить высвобождающуюся из *T* рабочую силу. Именно этот процесс У. М. Корден и Дж. П. Нири

⁸ Corden W. M., Neary J. P. Booming Sector and De-Industrialization in a Small Open Economy // The Economic Journal. December 1982. P. 825-828.

⁹ Corden W. M. Booming Sector and Dutch Disease Economics: Survey and Consolidation // Oxford Economic Papers. vol. 36. 1984. P.360-362.

¹⁰ Edwards S., Aoki M. Oil Exports and Dutch-Disease: A Dynamic Analysis // Resources and Energy. 1983. P. 219-242.

Таблица 2

Основные осложнения, порождаемые «голландской болезнью»

Симптомы	Осложнения
Быстрое увеличение доли сырья в экспорте	Повышение обменного курса национальной валюты, обусловленное массированным поступлением иностранной валюты. «Разогрев» инфляции за счет увеличения общего уровня заработной платы, особенно в сырьевом секторе экономики. Концентрация основных факторов производства в добывающем секторе, ограничивающая конкурентоспособность обрабатывающих отраслей
Переукрепление курса национальной валюты	Блокирование несырьевого экспорта и опережающий рост импорта, ухудшающие внешнеторговый и «напрягающие» платежный баланс страны. Вытеснение отечественной продукции импортной, прежде всего, на рынке готовых изделий. Стимулирование притока иностранных инвестиций в сырьевой и третичный сектора экономики с дальнейшим недоинвестированием обрабатывающей промышленности
Спад производства в обрабатывающей промышленности	Наращение убыточности и банкротств предприятий обрабатывающей промышленности. Уменьшение заработной платы в обрабатывающем секторе и наукоемких отраслях. Снижение общего уровня занятости, а соответственно, рост социального недовольства

называют «прямой деиндустриализацией» (*directde-industrialization*)¹¹.

В экономической литературе принято связывать наличие «голландской болезни» со следующими главными симптомами:

- быстрое увеличение доли сырья в экспорте;
- переукрепление курса национальной валюты;
- спад производства в обрабатывающей промышленности.

Основные осложнения, порождаемые «голландской болезнью», сведены в табл. 2.

В 1970-е гг. Голландия стала первой страной, в которой диагностировались данные макроэкономические эффекты. Чуть позже симптомы «голландской болезни» проявились в Великобритании и Норвегии, которые именно в этот период начали активную добычу нефти и газа в своих секторах Северного моря. В строгом соответствии с теорией доля сырьевого сектора в ВВП данных стран за 1960–1987 гг. увеличилась в 1,3 (Великобритания) и 22 раза (Норвегия), а доля обрабатывающих

отраслей в ВВП стабильно снижалась. Одновременно в экономике Нидерландов и Великобритании сектор услуг занял доминирующие позиции (табл. 3).

Вместе с тем, на наш взгляд, отсутствуют достаточные основания полагать, что гипертрофированное увеличение доли сектора услуг и «обвал» обрабатывающих отраслей связаны лишь с открытием и началом разработки нефтегазовых месторождений. Проведенный нами анализ показал: в период 1960–1990-х гг. во многих развитых странах отмечалось снижение доли обрабатывающей промышленности с одновременным ростом сферы услуг. Например, в США в 1960 г. на долю промышленности приходилось 34% ВВП, услуг — 58%, но уже в 1980 г. это соотношение изменилось на 30 и 62% соответственно. Еще более яркий пример — Франция, где доля промышленности в ВВП снизилась с 40% в 1960 г. до 30% в 1980 г., а доля сферы услуг возросла с 43 до 60%¹². Вдвойне примечательно, что в этих странах в 1960–1980-е гг. активизировалась разработка новых месторождений полезных ископаемых. Так, в 1967 г. на Аляске открыто одно из крупнейших

¹¹ Corden W. M., Neary J. P. Booming Sector and De-Industrialization in a Small Open Economy // The Economic Journal. December 1982. P. 360–364.

¹² UN Monthly Bulletin of Statistics. 1998. № 7. P. 34–36.

Таблица 3

История протекания «голландской болезни» в Нидерландах, Норвегии, Великобритании

Страна	1960	1970	1980	1987
Нидерланды				
Производство углеводородов, в млн т нефтяного эквивалента	11,2	29,7	73,0	62,9
Доля сырьевого сектора в ВВП, %	2	1	7	6
Доля обрабатывающего сектора в ВВП, %	33	28	18	16
Доля сектора услуг в ВВП, %	35	39	44	47
Норвегия				
Производство углеводородов, в млн т нефтяного эквивалента	4,5	9,0	61,2	93,9
Доля сырьевого сектора в ВВП, %	0,5	0,5	15	11
Доля обрабатывающего сектора в ВВП, %	22	21	15	14
Доля сектора услуг в ВВП, %	47	40	34	35
Великобритания				
Производство углеводородов, в млн т нефтяного эквивалента	116,1	101,8	197,7	240,6
Доля сырьевого сектора в ВВП, %	3	1,5	7	4
Доля обрабатывающего сектора в ВВП, %	32	28	23	21
Доля сектора услуг в ВВП, %	35	37	36	42

Составлено по: Hutchison M.M. Manufacturing Sector Resiliency to Energy Booms: Empirical Evidence from Norway, the Netherlands and the United Kingdom // Bank for the International Settlements. Monetary and Economic Department. Basle. September 1990. P. 20–22.

ших в мире месторождений нефти — Прудо Бэй (*Prudhoe Bay*) с запасами 3,6 млрд т, а в 1974 г. началось строительство Трансальяскинского трубопровода¹³. Всего на Аляске за 1959–2002 гг. добыто минеральных ресурсов на сумму в 350 млрд долл¹⁴. Во Франции после Второй мировой войны правительство активно стимулировало разведку нефти и газа. Толчком к развитию французской нефтегазовой промышленности стало начало эксплуатации в 1956 г. месторождения природного газа Лак (*Lacq*) в провинции Аквитания (запасы 150 млрд м³), пик

добычи (11 млрд м³) на котором достигнут в 1978 г.¹⁵. При этом, несмотря на активную разработку новых месторождений полезных ископаемых в сопоставимый период (1960–1980 гг.), в экономике указанных стран следов проявления «голландской болезни» обнаружить не удалось. Возможно, высокая «сопротивляемость» экономик США и Франции «голландской болезни» объясняется фактическим отсутствием экспорта энергетического сырья новых месторождений. В США, кстати, вето на экспорт аляскинской нефти было снято толь-

¹³ <http://www.inalaska.com>

¹⁴ Cole T. Cravez P. Blinded by Riches: The Prudhoe Bay Effect // Institute of Social and Economic Research. University of Alaska. Anchorage. February. 2004. P. 1.

¹⁵ Finon D. French gas industry in transition: Breach in the public service model // Institut d'économie et de politique de l'énergie. Grenoble. August. 2001. P. 3.

ко в 1994 г.¹⁶, а Франция, практически синхронно, начала экспорт природного газа из Аквитании в Испанию в 1993 г.¹⁷.

Дальнейший анализ позволил установить, что доля обрабатывающей промышленности в ВВП развитых стран увеличивалась до достижения определенного уровня доходов на душу населения — примерно 12–15 тыс. долл., которого эти страны достигли в начале 1970-х гг. Затем происходила ее стабилизация или снижение. Другой важной тенденцией развития промышленно развитых стран в 1960–1990 гг. стало превращение сектора услуг в преобладающую часть экономики.

Резюмируя вышеизложенное, можно предположить, что та макроэкономическая ситуация, которая сложилась в 1970 гг. в Нидерландах, Норвегии и Великобритании, вызвана, скорее всего, переходом страны к этапу постиндустриального развития, а вовсе не открытием нефтегазовых месторождений и форсированием экспорта углеводородов. Или это открытие ускорило переход к новому технологическому укладу. Некоторые ученые¹⁸, изучая другие причины, вызвавшие стагнацию в промышленности указанных стран, обращают внимание, прежде всего на жесткую фискальную политику правительства М. Тэтчер, усилившую падение спроса и спад в промышленности Великобритании в этот период, а эконометрические расчеты М. М. Хатчисона¹⁹ показали, что в случае Великобритании такие факторы, как

удорожание энергетических товаров и монетарные ограничения оказали большее тормозящее воздействие, чем нефть Северного моря. Любопытно, что отдельные западные экономисты квалифицируют отрицательный эффект от расширения добычи углеводородов на обрабатывающую промышленность Голландии как крайне незначительный. Так, Т. Гильфасон (*T. Gylfason*) ситуацию, сложившуюся в Голландии в 1970 гг., и впоследствии названную «голландской болезнью», вообще охарактеризовал «не голландской и не болезнью»²⁰. Кроме того, и в примере с Великобританией, и в случае Голландии больше фактов, указывающих на положительный эффект энергетического бума на обрабатывающую промышленность в краткосрочном периоде. Эксперты подчеркивают, что в некоторых странах природные ресурсы не только не приводят к «голландской болезни», но и в ряде случаев помогают бороться с ее первыми симптомами. Так, норвежские ученые Р. Брунстад, Х. Бьерланд и Э. Ларсен считают, что обрабатывающая промышленность в большинстве случаев выигрывает от наличия в стране природных ископаемых²¹.

К тому же «голландская болезнь» не обязательно связана с добычей природных ископаемых. Например, в конце 1970-х гг. Бразилию поразили заморозки, и соседние страны-конкуренты на мировом рынке кофе получили неожиданный «бонус». В 1979 г. в Колумбии, в результате резко возросшего в силу данных обстоятельств притока «кофедолларов» курс песо к доллару

¹⁶ *LaRocca J.* Alaska Agonistes: The Age of Petroleum: How Big Oil Bought Alaska // North East. Pennsylvania: North East Rare Books Ink. 2004. P. 14.

¹⁷ <http://www.tigf.fr/en>

¹⁸ *Buiter W., Miller M.* Changing the Rules: Economic Consequences of the Thatcher Regime // Brookings Papers on Economic Activity 2. 1983. P. 315–380.

¹⁹ *Hutchison M.M.* Manufacturing Sector Resiliency to Energy Booms: Empirical Evidence from Norway, the Netherlands, and the United Kingdom // Oxford Economic Papers New Series. 46 (2). 1994. P. 311–329.

²⁰ *Gylfason T.* Lessons from the Dutch Disease: Causes, Treatment, and Cures // Institute of economic studies. Working paper series. W 01:06. University of Iceland. August 2001. P. 2.

²¹ *Larsen E.* Escaping the natural resource curse and the Dutch disease? Escaping the Resource Curse and the Dutch Disease? When and Why Norway Caught up with and Forged ahead of Its Neighbors // Discussion Papers. No. 377. Statistics Norway. Research Department. May 2004. P. 3–8.

вырос почти в 1,5 раза. Как следствие, пострадали практически все секторы экономики (кроме госсектора, строительства и аренды жилья): в перерабатывающей промышленности, включая химию и металлургию, рост замедлился вдвое, а в легкой — и вовсе наступил спад²².

Подводя промежуточные итоги, полагаем возможным сделать следующий вывод: прямой связи между бумом в сырьевом секторе экономики и якобы деиндустриализацией промышленности нет. Действительно, «голландская болезнь» может породить различные последствия монетарного и структурного порядка. Однако вопрос, скорее, переходит в плоскость эффективного управления сверхдоходами от непредсказуемо подорожавшего сырья странами, добывающими природные ресурсы.

В этой связи большой интерес представляет вопрос о наличии «голландской болезни» в России. В последние годы ее российским проявлениям немало внимания уделяли как отечественные авторы: Н. А. Волчкова, Е. Т. Гайдар, С. М. Гуриев, О. В. Дынникова, О. В. Забелина, О. А. Замулин, А. Н. Илларионов, В. А. Мау, К. И. Сонин, К. А. Сосунов, Г. Г. Фетисов, А. Д. Чирягин, так и зарубежные экономисты: Р. Арэнд (*R. Ahrend*), А. Брич (*A. Breach*), Д. де Роза (*D. de Rosa*), У. Томпсон (*W. Tompson*).

При этом, как показал проведенный нами анализ, среди ученых нет единого мнения по поводу «инфицированности» российской экономики «голландской болезнью» (табл. 4). В таком случае постараемся сами по ранее выявленным симптомам поставить диагноз российской экономике на предмет ее зараженности «голландской болезнью».

Главный симптом — быстрое увеличение доли сырья в экспорте — отрицать не-

²² Гуриев С.М., Сонин К.И. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. №4. 2008. С. 63.

возможно. Доля сырой нефти, нефтепродуктов и природного газа в суммарном российском экспорте возросла с 41,0 в 1994 г. до 61,8% в 2007²³. При этом темпы добычи и ее экспорта в последние годы замедляются (рис. 1). Это косвенно свидетельствует о постепенной переориентации нефтяного сектора на внутренний рынок.

Не приходится спорить и с продолжающимся укреплением рубля. С 2001 г. реальный курс рубля по отношению к доллару, согласно расчетам ОЭСР, укрепился более чем на 50%²⁴. Однако наблюдаемые результаты — ускорение экономического роста на фоне высоких темпов укрепления рубля — позволяют утверждать, что дорожающий рубль пока не тормозит развитие промышленности благодаря позитивному влиянию на ее динамику роста инвестиций через удешевление зарубежных кредитов и расширение импорта технологического оборудования.

Расчеты зарубежных экспертов показывают, что российская обрабатывающая промышленность не потеряла своей конкурентоспособности и в ценовом плане, по сравнению, например, с аналогичной продукцией из стран Прибалтики или Польши²⁵. Что называется, от противного, можно заметить, что стремительный рост курса евро относительно американского доллара, продолжавшийся с 2002 г.²⁶, не обернулся утратой лидирующих позиций

²³ БИКИ. 2008. 1 апреля.

²⁴ Ahrend R., de Rosa D., Tompson W. Russian manufacturing and the threat of “Dutch Disease” a comparison of competitiveness developments in Russian and Ukrainian Industry // OECD Economic department Working Papers № 540. 25-January 2007. P. 10.

²⁵ International Monetary Fund. Russian Federation: 2006 Article IV Consultation — Staff Report Staff Statement and Public Information Notice on the Executive Board Discussion. December 2006.

²⁶ Буторина О. В. Валютный театр: драма без зрителей // Россия в глобальной политике. №2. март-апрель 2008 г. С. 167.

Таблица 4

Наличие «голландской болезни» в российской экономике

Автор	Год публикации	Основная работа	Отсутствие/ присутствие «голландской болезни» в современной российской практике
Е.Т. Гайдар	2001	Голландская болезнь, структурные реформы и приоритеты правительства: ретроспектива и перспективы	Отсутствие
А. Брич	2003	Путь России к процветанию в постиндустриальном мире	Отсутствие
О.В. Дынникова	2003	Как лечить «голландскую болезнь» России?	Присутствие
В.А. Мау	2003	Падение цен на нефть подтолкнет российские реформы	Присутствие
О.В. Забелина	2004	Российская специфика «голландской болезни»	Присутствие
А.Н. Илларионов	2005	Все болезни в одном флаконе	Присутствие
Н.А. Волчкова	2006	Является ли «голландская болезнь» причиной энергозависимой структуры российской промышленности?	Отсутствие
К.А. Сосунов, О.А. Замулин	2006	Can Oil Prices Explain the Real Appreciation of the Russian Ruble in 1998-2005?	Отсутствие
Г.Г. Фетисов	2006	«Голландская болезнь» в России: макроэкономические и структурные аспекты	Присутствие
К.А. Сосунов, О.А. Замулин	2007	Monetary Policy in an Economy Sick with Dutch Disease	Отсутствие
Р. Аренд, Д. де Роса, У. Томпсон	2007	Russian Manufacturing and the Threat of "Dutch Disease" — A Comparison of Competitiveness Developments in Russian and Ukrainian Industry	Отсутствие
С.М. Гуриев, К.И. Сонин	2008	Экономика «ресурсного проклятия»	Отсутствие
К.И. Сонин	2008	Неуловимое проклятие	Отсутствие
А.Д. Чиригин	2008	Производить невыгодно: последствия «голландской болезни» в России	Присутствие

европейской обрабатывающей промышленности. Более того, в 2007 г. Германия пятый раз подряд удержала за собой позицию ведущего мирового экспортера, прежде всего готовой продукции²⁷.

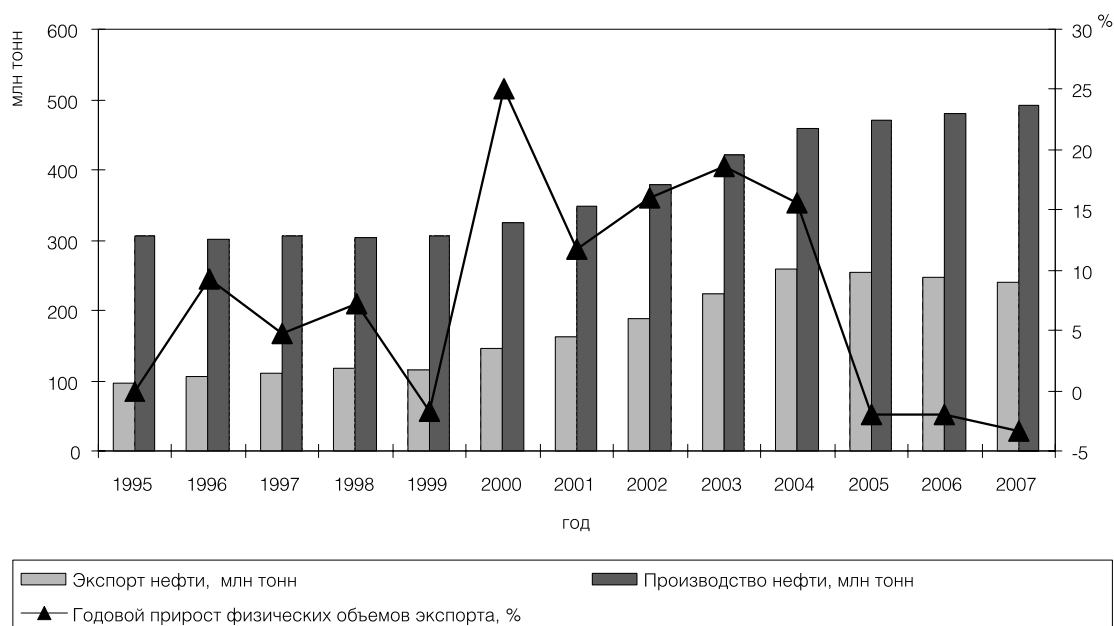
Что можно сказать о российском обрабатывающем секторе? Да, до 2003 г. добывающая промышленность росла бы-

стрее обрабатывающего сектора. Но в 2003 г. темпы развития обрабатывающих производств обогнали сырьевой сектор. Правда, по «скорости» роста обрабатывающая промышленность «не успевает» за сектором услуг, особенно транспортом, финансами и строительством (табл. 5).

Кстати, в этой связи заслуживает уточнения следующий момент. Р. Бек, А. Кампс,

²⁷ БИКИ. 2008. 29 апреля.

Расчитано по: *Российский статистический ежегодник за соответствующие годы.*

Рис. 1. Производство и экспорт нефти в Российской Федерации (1995–2007 гг.)

Таблица 5

Темпы роста валового внутреннего продукта РФ по отдельным видам экономической деятельности (% к предыдущему году)

Вид экономической деятельности	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Добыча полезных ископаемых	6,0	6,8	8,7	6,8	1,3	2,3
Обрабатывающие производства	2,0	1,1	10,3	10,5	5,7	4,4
Оптовая и розничная торговля	...	...	11,3	12,6	9,7	8,2
Строительство	...	...	13,9	10,0	10,4	15,2
Транспорт и связь	...	...	7,9	10,7	7,2	9,1
Финансовая деятельность	...	...	9,2	10,7	7,5	10,1

Источник: Российский статистический ежегодник за соответствующие годы.

Э. Милева²⁸ полагают, что транспортные, финансовые, информационные услуги больше не являются неторгуемыми, так как Россия занимается их экспортом. Кроме

того, по мнению указанных экономистов, опережающее развитие сектора услуг связано не с «голландской болезнью», а с затянувшимся переходом от плановой экономики, в которой сектор услуг фактически не был представлен, к рыночной. Таким образом, можно согласиться, что «надо быть, однако же, большим мазохистом,

²⁸ Beck R., Kamps A., Mileva E. Long term growth prospects for the Russian economy // European Central Bank. Occasional paper series. №58. March 2007. P.15.

Таблица 6

Соотношение экспорта минерально-сырьевых продуктов / МСП и валового внутреннего продукта в РФ и Норвегии

Показатели	2002		2006	
	РФ	Норвегия	РФ	Норвегия
Валовой внутренний продукт, млрд дол.	345,4	167,1	985,0	199,5
Экспорт минерально-сырьевых продуктов / МСП, млрд долл.	58,9	41,1	198,6	86,9
Доля минерально-сырьевых продуктов / МСП в экспорте, %	55,2	69,1	65,8	72,1
Соотношение экспорта минерально-сырьевых продуктов /МСП и ВВП, %	17,0	24,6	20,1	43,5
Валовой внутренний продукт на душу населения, тыс. дол.	2,4	36,8	6,9	43,2
Экспорт минерально-сырьевых продуктов / МСП на душу населения, тыс. долл.	0,4	9,0	1,4	18,8

Составлено по: Российский статистический ежегодник за соответствующие годы, Statistics Norway 2002–2006, Statistics Norway: External Economy. 2002–2006.

чтобы огорчаться бумирующему развитию этих важных кусков нашей, все еще такой неосвоенной страны»²⁹.

Убедительнее всего об отсутствии «голландской болезни» в России говорят сравнительные данные развития российской и норвежской экономики начала XXI столетия (табл. 6). За пятилетие (2002–2006 гг.) российский ВВП (в долларовом эквиваленте) практически утроился, а норвежский — вырос почти на 1/5. Безусловно, вклад экспорта МСП в эту динамику в обоих случаях более чем значим. Если в Норвегии отношение экспорта минерально-сырьевых продуктов к ВВП фактически удвоилось (с 24,6 до 43,5 %), то в российском ВВП осталось практически неизменным (17,0–20,1%). Показатель среднедушевого экспорта МСП в России (2006 г.) вообще составляет только 7,5 % от норвежской «медианы» (2002 г. — 4,4%). Это дает все основания утверждать, что экспорт минерального сырья не является неким «тормозом» роста российской экономики. Сдерживают ее развитие, скорее, монетарные власти, не сумевшие грамотно использовать доходы от сверхблагоприятной конъюнктуры

мирового рынка сырья начала XXI в., да с завидной регулярностью пережимающие дефляционный рычаг. Не случайно, двукратный спад производства в РФ в 1990-е гг. укладывается в 3 волны сжатия денежного предложения³⁰. Но это тема уже для отдельного разговора.

В настоящее время в научной литературе утверждается предположение, что «голландскую болезнь» лечить в отдельно взятой стране бессмысленно. Другими словами, «голландская болезнь» — «подтормаживающее» влияние на общеэкономический рост переукрепления национальной валюты в силу ускоренного развития сырьевого экспорта — проблема не только стран-экспортеров сырья. Это структурная болезнь мировой экономики, связанная с глобальным переделом рынков сбыта³¹. Для объяснения данного феномена журнал *The Economist* ввел специальный термин «китайский синдром»³²,

³⁰ Эксперт. 2008. №5. С.20.

³¹ Чирягин А. Д. Производить невыгодно: последствия «голландской болезни» в России // ЭКО. 2008. №1. С.17.

³² How China runs the world economy // *The Economist*. 2005. July 28.

²⁹ Эксперт. 2007. №15. С. 19.

Таблица 7

Удельный вес Китая в мировом импорте минерального сырья и топлива, %

Статьи импорта	1970	1995	2000
Минеральное сырье и топливо в том числе:			
руды и минералы	0,9	3,1	6,5
топливо	...	1,3	3,0

Составлено по: IMF World Development Indicators 2006, UNCTAD Commodity Yearbook 2003. Volume I. P. 47–50.

который в последнее время начинает вытеснять из оборота понятие «голландская болезнь»³³. Дешевизна труда, огромный внутренний рынок, сверхвысокие темпы экономического роста, требующие для своего материального воплощения все большего количества сырьевых ресурсов, приводят к тому, что Китай «проводит коренную ломку цен на все товары и факторы производства»³⁴.

Другим важным проявлением мировой «голландской болезни» является переход Китая из экспортеров в импортеры сырья. Состоятельные китайские потребители, а также растущий средний класс начинают все активнее покупать квартиры, дома, автомобили, дорогую бытовую технику. Параллельно возникает повышенный спрос на сырьевые товары, что находит отражение в резко возросшем удельном весе КНР в мировом импорте природных ресурсов (табл. 7).

Однако Китай не всегда был импортером сырья. В 1959 г. в Китае было открыто крупное нефтегазовое месторождение — Дацин (Daqing), благодаря которому страна на несколько десятилетий закрыла свои основные потребности в нефти и газе. Более того, в 1960–1980-е гг. Китай экспортировал нефть в страны Юго-Восточной Азии. В конце 1980-х гг. сверхбыстрые темпы экономического роста вкупе с быстро-

растущим населением выявили недостаток собственных энергетических ресурсов. С 1993 г. китайская экономика стала нетто-импортером нефти³⁵, а в 2006 г. Китай занял третье место в мире по ее импорту (145,2 млн т), пропустив вперед лишь США (529,4) и Японию (208,7 млн т)³⁶. Если в 1990 г. Китай импортировал энергетического сырья на 1,2 млрд дол., то в 2006 г. эта цифра составила 89,1 млрд долл.³⁷ Огромных масштабов достиг импорт железной руды для бурно развивающейся черной металлургии: в 2003 г. — 148, 2007 г. — 375 млн т³⁸.

Стремительное развитие экономики Китая стимулирует быстрое увеличение суммарного импорта. В 1948 г. доля Китая в общемировом импорте составляла 0,6%, в 2006 г. — 6,5%. Одновременно доля некоторых развитых стран значительно снизилась. Например, Великобритания, в 1948 г. занимавшая первое место в мире по объемам импорта с показателем 13,4 %, в 2006 г. «скатилась» на четвертое место (5,1%)³⁹.

Как известно, цены на большинство сырьевых товаров с начала XXI столетия к середине 2000-х гг. выросли в разы, что не

³³ Macdonald R. Not Dutch Disease, It's China syndrome // Insights on the Canadian Economy. Ottawa. August 2007. P.5-14.

³⁴ How China runs the world economy // The Economist. 2005. July 28.

³⁵ Bahgat G. China's Energy Policy: Strategic Implications // Middle East Economic Survey VOL. XLIX. № 3. Department of Political Science. Indiana University of Pennsylvania. 15. January 2007.

³⁶ БИКИ. 2008. 6 мая.

³⁷ International Trade Statistics. World Trade Organization. 2007. P.56.

³⁸ БИКИ. 2008. 24 апреля.

³⁹ International Trade Statistics. World Trade Organization. 2007. P. 11.

привело, как раньше, к замедлению роста мировой экономики. Это в значительной мере предопределено увеличением потребления сырья Китаем, а не сбоями в его поставках. Поэтому мировая экономика переживает повышение сырьевых цен относительно безболезненно. Несмотря на рекордные цены на нефть, темпы инфляции в промышленно-развитых странах остаются стабильными. Дело в том, что цены на бытовую технику, одежду, ширпотреб, производимые в Китае, длительное время держались на сравнительно низком уровне, что «амортизировало» повышение цен на сырьевые товары (в мировом экспорте Китая с 11 места — 0,9% суммарного итога в 1948 г. поднялся на 3-ю ступень — 8,2% в 2006 г.⁴⁰). Значительное увеличение цен на недвижимость во многих странах мира имело также «китайское» происхождение. Поразительная дешевизна китайских товаров существенно облегчала работу центральных банков по борьбе с инфляцией. Денежные власти развитых стран в таких условиях без особой необходимости не повышали процентные ставки, что «подстегивало» кредитный ажиотаж, в результате чего «дешевые» деньги уходили на рынок недвижимости, вызывая быстрый рост цен в этом секторе экономики.

Однако «китайский синдром» влечет за собой не только рост цен на сырье, но и ведет к постепенному снижению конкурентоспособности обрабатывающей промышленности развитых стран. Высокие ставки налогообложения и уровня заработной платы объясняют природу массового переноса многими мировыми концернами своего производства за границу, в первую очередь в Китай, с вытекающими отсюда социально-экономическими последствиями. Не случайно, некоторые экономисты⁴¹ начинают

говорить о «волне деиндустриализации» в промышленно развитых странах. Например, Франция с 2002 г. потеряла почти 0,5 млн рабочих мест в промышленности. Этот процесс наблюдается во всех развитых странах с высоким уровнем заработной платы. Действительно, здесь фактически невозможно производить одежду, обувь, бытовую технику, мебель. По соотношению «цена-качество» эта продукция серьезно проигрывает китайской. Тем не менее, наряду с отрицательными эффектами «китайского синдрома», стоит отметить и положительные моменты: повышенный спрос Китая на сырьевые товары уже принес крупные дивиденды странам, специализирующимся на их экспорте. Неудивительно, что наиболее значительные темпы экономического роста на 2008–2009 гг. прогнозируются для сырьедобывающих стран — Австралии (3,3%), России (5,9%)⁴².

Негативное отношение Запада к сырьевому росту имеет долгую историю. В экономической науке сложилось мнение, что сама идея развития увязывается только с индустриально-технологической направленностью. Однако в XXI в. сырьевым ресурсам будет уделяться особо пристальное внимание: постиндустриальная стадия развития сделает наиболее востребованными новейшие сырьевые источники — редкоземельные элементы, лантаноиды, многие неметаллические руды. Именно они будут предопределять технологический облик нового столетия. Поэтому уже сейчас следует «закрепить» эти сырьевые материалы за российской промышленностью. Тем более что сырьевая база — Россия по запасам редкоземельных металлов занимает второе место в мире после Китая⁴³ — к тому располагает. Конкурировать с развитыми странами и КНР в производстве большей части массовой промышленной продукции

⁴⁰ *International Trade Statistics*. World Trade Organization. 2007. P.10.

⁴¹ *Solomou S.N.* Industrialization and De-Industrialization // <http://uk.encarta.msn.com>

⁴² IMF World Economic Outlook. April 2007. P. 218–225.

⁴³ Уральский рынок металлов. 2007. №10. С. 76.

бессмысленно — рыночный «нокаут» гарантирован. Российским производителям придется уходить с рынков серийной, простой техники в сегмент такой узкоспециализированной продукции, как нанотехнологии, биотехнологии, оптико-волоконная техника, которые относятся к так называемому пятому технологическому укладу. Однако для их развития также необходимы минеральные ресурсы. Как говорится, круг замкнулся. Таким образом, именно от наличия в стране достаточного количества полезных ископаемых и эффективного их использования будет зависеть конкурентоспособность российской промышленности и экономики в целом.

На основе вышесказанного можно сделать следующий вывод: невозполнимые минерально-сырьевые ресурсы планеты быстро истощаются, а потребность в них нарастает. В условиях, когда открытия «легких» месторождений уже не приходится ожидать, а старые находятся на грани полной выработки, разведка, добыча и создание соответствующей инфраструктуры в минерально-сырьевом комплексе требуют научного, инженерного и технологического обеспечения, ничуть не менее, а может быть, и более совершенного, чем в *high-tech*-индустрии.

Возрастающие потребности мировых ресурсных рынков стимулируют развитие научных и инженерных школ. Поэтому добывающие отрасли в структуре экономики России отнюдь не лишают ее интеллектуального капитала, что не раз доказали успехи стран, богатых сырьевыми ресурсами. Так, высокая ресурсная составляющая в товарах была одним из основных факторов, обеспечивших конкурентоспособность американского экспорта в конце XIX — начале XX вв. Именно сырье стало основой технологического превосходства США⁴⁴. В десятку наиболее конкурентоспо-

собных стран входят экспортирующие сырье Австралия, Канада, Норвегия, другие западные страны. Эти же страны фигурируют и среди первых пятнадцати стран с наиболее высоким уровнем благосостояния.

При этом в качестве залога иммунитета к «голландской болезни» целого ряда стран, располагающих значительными природными ресурсами и их активно экспортирующих, как правило, выступает совокупность факторов:

- наличие устойчивых демократических институтов;
- низкий уровень коррупции в стране;
- высокий уровень налогообложения предприятий минерально-сырьевого сектора;
- устойчивость банковской системы;
- крупные государственные вложения в образование, здравоохранение, НИОКР;
- экономически активное и высокообразованное население;
- постепенная переориентация ресурсного сектора экономики на внутренний рынок.

Однако недостаточно «просто» соответствовать данным критериям. Необходимо еще правильно распорядиться изъятой ресурсной рентой. Пассивная стратегия состоит в том, что государство сберегает доходы от сырьевого экспорта, пополняя золотовалютные резервы и стабилизационный фонд. Ее главный недостаток — из системы изымаются ресурсы, которые могли бы быть направлены на инвестиции в производство или в развитие новых технологий.

Активная политика должна заключаться в инновационном использовании изымаемых доходов сырьевого сектора. Для осуществления этого весьма тонкого маневра необходима система интерактивного планирования, обеспечивающая согласование интересов и эффективное взаимодействие разных групп общества — предпринимателей, потребителей и го-

⁴⁴ Wright G., Czelusta J. Exorcizing the resource curse: minerals as a knowledge industry, past and present // Stanford University. July 2002. P. 3–7.

сударственного аппарата. В этом случае представляется справедливым замечание Нобелевского лауреата по экономике (2001 г.) Дж. Стиглица: «Огромные природные ресурсы могут и должны быть благом, а не проклятием... Что отсутствует? — Политическая воля сделать это»⁴⁵.

В современной России рациональное освоение минерального сырья — ключевое направление социально-экономического развития. Горячие дискуссии о превращении России «в сырьевой придаток Запада», «голландской болезни», «нефтяной игле», на наш взгляд, представляют собой просто политическую риторику. В ближайшем будущем Россия останется крупнейшей сырьедобывающей державой мира. России предстоит, проанализировав весь этот опыт, разработать собственную линию поведения в данной сфере. Условно ее можно назвать «стратегией развития человеческого капитала в стране с богатыми сырьевыми ресурсами» — наподобие той, что еще во второй половине XX в. сумели, несмотря на имевшиеся сложности, выработать и успешно претворить в жизнь Австралия, Канада, Норвегия и США.

Литература

1. Волчкова Н. А. Является ли «голландская болезнь» причиной энергозависимой структуры
2. Sachs J., Warner A. Natural Resource Abundance and Economic Growth // NBER Working Paper No W5398. December 1995.
3. Latsis O. Dutch Disease Hits Russia // Moscow News. June 8–14. 2005.
4. Sala-i-Martin X., Subramanian A. Addressing the natural resource curse: an illustration from Nigeria // IMF Working Paper 03/139. 2003.
5. Hopkins M. Macro-socio-economic context and challenges for effective hydrocarbon management // State of Qatar / UNDP / NECA / UNEP /CIDA High-Level Meeting on Oil and Gas Development: Sharing Experiences and Lessons within the framework of South-South Cooperation. Doha. Qatar. 8-10 September. 2007.
6. Corden W. M., Neary J. P. Booming Sector and De-Industrialization in a Small Open Economy // The Economic Journal. December 1982.
7. Cole T. Cravez P. Blinded by Riches: The Prudhoe Bay Effect // Institute of Social and Economic Research. University of Alaska. Anchorage. February. 2004.
8. Finon D. French gas industry in transition: Breach in the public service model // Institut d'economie et de politique de l'energie. Grenoble. August. 2001.
9. Gylfason T. Lessons from the Dutch Disease: Causes, Treatment, and Cures // Institute of economic studies. Working paper series. W 01:06. University of Iceland. August 2001..
10. Larsen E. Escaping the natural resource curse and the Dutch disease? Escaping the Resource Curse and the Dutch Disease? When and Why Norway Caught up with and Forged ahead of Its Neighbors // Discussion Papers. No. 377. Statistics Norway. Research Department. May 2004.
11. Гурьев С. М., Сонин К. И. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. №4. 2008.

⁴⁵ Stiglitz J. We Can Now Cure Dutch Disease // Guardian. 2004. August 18.

Статья поступила в редакцию 25.06.2008

Maltsev A. A.
Institute Economics RAS, Yekaterinburg

THE CHARACTERISTICS OF “DUTCH DISEASE OF DE-INDUSTRIALIZATION” EVIDENCE IN MODERN RUSSIAN AND FOREIGN PRACTICES

The article researches into the genesis of the “Dutch Disease” theory. The work considers the reasons and systematizes the key symptoms of “Dutch disease”. Special emphasis is being put on the Russian “Dutch disease” presence diagnosis. It has been proven that “Dutch disease of de-industrialization” is not always connected with the mineral resources extraction and export.